
ИСТОРИЯ HISTORY

УДК 271

doi:10.21685/2072-3024-2022-4-1

Взаимоотношения епископа Пензенского Иннокентия (Смирнова) и архимандрита Фотия (Спасского) в оценках современников

Е. П. Белохвостиков

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства,
Пенза, Россия

belohvostikov_ep@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Исследование посвящено отношениям двух известных в первой трети XIX в. церковно-общественных деятелей – епископа Пензенского Иннокентия (Смирнова) и архимандрита Фотия (Спасского). С именем Фотия, известнейшего борца с мистицизмом, непосредственно связан ряд событий в конце царствования Александра I – закрытие Библейского общества и официальных запрет деятельности масонских лож, упразднение министерства духовных дел и народного просвещения. Фотий, один из наиболее ярких деятелей «правой оппозиции» в Православной церкви, называл себя учеником и идейным наследником скоропостижно скончавшегося в 1819 г. Иннокентия Пензенского. Вследствие этого и сам Иннокентий стал восприниматься как противник западного мистицизма. Цель исследования – проанализировать свидетельства Иннокентия, Фотия и их современников, которые позволяют взглянуть на отношения и мировоззрение обоих деятелей по-новому. Актуальность настоящей работы для современности прежде всего состоит в том, чтобы беспристрастно, подвергая сомнению сложившиеся в историографии штампы и опираясь на первоисточники, рассмотреть взаимоотношения архимандрита Фотия и епископа Иннокентия – деятелей, оказавших существенное влияние на церковно-общественную жизнь Петербурга первой четверти XIX в. *Материалы и методы.* В основу исследования легли эпистолярные и мемуарные свидетельства, как ранее опубликованные (преимущественно в периодике XIX в.), так и оставшиеся в рукописи (Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Российский государственный архив древних актов). Методология исследования построена на принципах системного подхода к рассмотрению вопросов церковно-общественной жизни первой трети XIX в., что позволяет уйти от субъективных оценок и выделить действительно значимые векторы развития отношений между деятелями эпохи. *Результаты.* Выявлены противоречия в оценках современников и исследователей отношений между епископом Пензенским Иннокентием (Смирновым) и архимандритом Фотием (Спасским). Сделаны предположения, с какой целью искажались и субъективно трактовались факты из их биографий. *Выводы.* Анализ материала позволяет говорить об умышленном искажении архимандритом Фотием (Спасским) роли епископа Иннокентия в борьбе с мистицизмом и утверждать, что в реальности Иннокентий был скорее сторонником мистиков, а не православной оппозиции им.

Ключевые слова: Иннокентий (Смирнов), Фотий (Спасский), Александр I, князь А. Н. Голицын, графиня А. А. Орлова-Чесменская, масонство, Пензенская епархия

Для цитирования: Белохвостиков Е. П. Взаимоотношения епископа Пензенского Иннокентия (Смирнова) и архимандрита Фотия (Спасского) в оценках современников // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 4. С. 3–14. doi:10.21685/2072-3024-2022-4-1

The relationship between Bishop Innokenty (Smirnov) of Penza and Archimandrite Photius (Spassky) in the assessments of contemporaries

E.P. Belokhvostikov

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia
belokhvostikov_ep@mail.ru

Abstract. Background. The article is devoted to the relations of two well-known church and public figures in the first third of the 19th century – Bishop Innokenty (Smirnov) of Penza and Archimandrite Photius (Spassky). The name of Photius, the most famous fighter against mysticism, is directly connected with a number of events at the end of the reign of Alexander I – the closure of the Bible Society and the official ban on the activities of Masonic lodges, the abolition of the Ministry of Spiritual Affairs and Public Education. Photius, one of the most prominent figures of the “right opposition” in the Orthodox Church, called himself a disciple and ideological heir of the deceased Innokenty of Penza in 1819. As a result, Innocent himself began to be perceived as an opponent of Western mysticism. The purpose of this study is to analyze the testimonies of Innokenty, Photius and their contemporaries, which allow us to look at the relations and worldview of both figures in a new way. The relevance of this article for modernity, first of all, consists in dispassionately, questioning the “clichés” that have developed in historiography and relying on primary sources, to consider the relationship of Archimandrite Photius and Bishop Innokenty – figures who had a significant impact on the church and public life of St. Petersburg in the first quarter of the 19th century. **Materials and methods.** The research is based on epistolary and memoir testimonies, both previously published (mainly in the periodicals of the 19th century) and those remaining in the manuscript (Research Department of Manuscripts of the Russian State Library, Russian State Archive of Ancient Acts). The methodology of the research is based on the principles of a systematic approach to the consideration of issues of church and public life in the first third of the 19th century, which allows us to get away from subjective assessments and identify really significant vectors of the development of relations between the figures of the era. **Results.** Contradictions in the assessments of contemporaries and researchers of the relationship between Bishop Innokenty (Smirnov) of Penza and Archimandrite Photius (Spassky) have been revealed. Assumptions are made for what purpose the facts from their biographies were distorted and subjectively interpreted. **Conclusions.** The analysis of the material allows us to speak about the deliberate distortion by Archimandrite Photius (Spassky) of the role of Bishop Innokenty in the fight against mysticism, and to assert that in reality Innocent was more a supporter of the mystics, and not the Orthodox opposition to them.

Keywords: Innokenty (Smirnov), Photius (Spassky), Alexander I, Prince A.N. Golitsyn, Countess A.A. Orlova-Chesmenskaya, Freemasonry, Penza Diocese

For citation: Belokhvostikov E.P. The relationship between Bishop Innokenty (Smirnov) of Penza and Archimandrite Photius (Spassky) in the assessments of contemporaries.

Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities. 2022;(4):3–14. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-4-1

В последние годы среди исследователей [1–4] вновь стала актуальной тема православной оппозиции в последние годы царствования Александра I – деятельность группы духовных и светских лиц, противодействовавших модному в то время среди высшей аристократии мистицизму. Однако современные исследователи часто повторяют ошибки историографии, сложившиеся еще в XIX в.

Основная суть этих ошибок – прежде всего в предвзятом отношении к проблеме. Анализ первоисточников (прежде всего писем и воспоминаний) показывает, что в 10-х гг. XIX в. четких «партий» сторонников и противников мистицизма не существовало: князь А. Н. Голицын, епископы Филарет (Дроздов) и Иннокентий (Смирнов), митрополиты Серафим (Глаголевский) и Михаил (Десницкий) вполне мирно общались, сотрудничали, и считать их идейными противниками нет оснований. Ситуация обострилась уже позже, к 1824 г., и через призму так называемого «падения двойного министерства» (когда Голицын был снят со всех своих постов и фактически ликвидировано Библейское общество); но и тогда противники Голицына не представляли собой однородную группу единомышленников.

Попытки условно разделить церковно-общественных деятелей 1810–1820-х гг. на два лагеря исследователи предприняли уже во второй половине XIX в. (это прежде всего А. Н. Пыпин [5], а также И. А. Чистович [6], А. Н. Котович [7], биографы преосвященного Иннокентия: протоиерей В. И. Жмакин [8], Д. И. Троицкий [9]). Причем примечательно, что кто-то из них, настроенный более либерально (как, к примеру, А. Н. Пыпин), принимал сторону мистиков как более прогрессивных, европейски ориентированных; кто-то (к примеру, Д. И. Троицкий) был уверен в правоте православной оппозиции. Но и те, и другие не смогли избежать субъективности и «записывали задним числом» в свой лагерь не принадлежавших ему лиц.

В советское время по понятным причинам история религиозно-политической борьбы не была в числе приоритетных тем для исследования. В связи с этим, когда в 90-х гг. XX в. среди исследователей и публики вновь возник интерес к этой проблематике и вернулась возможность свободно заниматься ею, за основу были приняты наработки историков XIX – начала XX в. Однако, увы, на веру были приняты и многие ошибочные утверждения того же архимандрита Фотия (Спасского), который стал восприниматься как «оболганный» либералами подвижник, чей морально-нравственный облик не подлежит критике (подобное мнение разделяют, в частности, Ю. Е. Кондаков [1] и А. Ю. Минаков [2]).

Заново, по первоисточникам никто из историков взаимоотношения Иннокентия Пензенского и архимандрита Фотия не изучал.

Меж тем это тема особая для биографии обоих. Официально они общались в 1817–1819 гг. как законоучитель Второго кадетского корпуса и благочинный над законоучителями, однако их отношения – это скорее отношения отца и сына, нежели учителя и ученика или начальника и подчиненного. Безусловно, они относились друг к другу с родственной любовью; безусловно,

некое духовное родство их и объединяло; однако это были люди разных кругов, разных взглядов и поколений. И как бы ни старался завуалировать потом эти противоречия сам Фотий, они очевидны.

Вопрос о том, как относился Иннокентий к Фотию, не так прост. Практически все наши знания об этом опираются на свидетельства самого Фотия, а доверять ему можно не всегда. Письма Иннокентия к Фотию, увы, известны нам не в подлиннике, а в копиях, снятых самим адресатом: Фотий же позволял себе вносить исправления и в письма (к примеру, для автобиографии редактировал собственные послания Александру I).

Бесспорно, Фотий не был самым близким к Иннокентию человеком. И все же так сложилось, что для потомков их имена практически неотделимы друг от друга.

Мы знаем точную дату знакомства религиозных деятелей: 12 августа 1814 г. Фотий, тогда еще диаконский сын Петр Спасский, 22-летний выпускник Новгородской семинарии, приехал в Петербург для поступления в духовную академию, явился к ректору архимандриту Филарету и встретил у него в покоях Иннокентия. В академии Фотий как студент второго набора у Иннокентия уже не учился. Однако и проучился он недолго, и по слабости здоровья в 1815 г. был уволен от учебы и назначен учителем в Александро-Невском училище – как писал сам Фотий позже, «благоволил ректор семинарии Иннокентий принять его в учителя к училищу при семинарии в лавре Невской» [10, с. 77]. Этот момент священник Яков Морошкин, неплохо знавший Фотия, описывает так: «Усмотрев отличное учение, занесенное в академию из Западной Европы, он не вытерпел, и, наслушавшись о благочестивом житии ректора семинарии о. архимандрита Иннокентия, он явился к нему и просил об определении себя на должность учителя в уездном духовном училище. О. ректор согласился принять его. Павел [sic] Спасский тотчас исключился из академии, поступил в учителя и вскоре, по болезненному состоянию и собственной склонности, а более всего по особенному влиянию на него о. ректора, постригся в монашество, приняв имя *Фотия*» [11, с. 305]. Ничего подобного в своих воспоминаниях сам архимандрит Фотий не пишет и не связывает переход из студентов в учителя со своим желанием быть ближе к Иннокентию. Возможны два варианта: либо мемуарист Морошкин домыслил это, либо и такую версию событий устно излагал сам Фотий, что тоже допустимо.

В январе 1816 г. учитель Спасский по назначению ректора семинарии Иннокентия сочинил слово «В чем состоять будет будущее единение в Боге верных» и удостоился похвалы как святителя, так и митрополита Амвросия. В апреле, к Лазаревой субботе, он приготовил проповедь на тему «В чем состоит смерть души нашей». Об этом Фотий в своей автобиографии пишет так: «Как цензор, Иннокентий рассматривает слово, читает при нем и вопрошает: какие ты, брате, читаешь книги? Петр же отвечал: отче святой! святых отец книг не имею, новейших книг и проповедей не читаю, терпеть не могу мирских книг; одну святую Библию имею и оную читаю. Он сказал ему: не читай же никаких новейших книг ты» [10, с. 76].

Точно ли так говорил святитель Иннокентий, всю жизнь радевший об образовании и сам читавший и десятки книг европейских историков, и те же

рукописи по должности цензора? И правильно ли его понял Фотий? Конечно, исключать ничего нельзя. Однако в будущем, заметим, для того чтобы разобратся во всех современных ему хитросплетениях, Фотию не хватало кругозора. Он считал своими наставниками Филарета и Иннокентия; однако, во-первых, они и сами тогда еще были очень молоды, а во-вторых, вряд ли бы в полной мере согласились (особенно Филарет) считать Фотия учеником.

Уже в эти годы Петр Спасский относился к личности Иннокентия с благоговением. Он пишет о себе в третьем лице: «Замечал он в Иннокентии все слова его, поступки, вид, действия, дух веры его, учения, все замечал в нем, дабы ему составить для себя собственно в сердце образ жития благочестивого. Иннокентий и Филарет в очах его как два светильника всегда были живые. Боялся мыслить, то втайне желал даже, что знал неужто явно есть пред их очами. Как пред лицом их, так и заочно, с благоговением самое их имя вспоминал, пред лицом же его никто не смел слова сказать в бесчестие их. Почитал их, как властей, от Бога поставленных по всей силе; всегда ему даже свидание и свидание с ними было в пользу едину» [10, с. 77].

«Как единомысленный с ректором семинарии, пользовавшимся тогда высокою честью и громкою славою, о. Фотий, не без влияния и содействия его, вскоре определен был во второй кадетский корпус, законоучителем», – пишет Морошкин [11]. Действительно, Филарет и Иннокентий предложили Петру Спасскому принять монашество, имея в виду не только его склонность к тому, но и вполне приземленную причину: его предполагалось поставить на освободившееся место законоучителя. 12 февраля 1817 г. Иннокентий написал за Петра его прошение о постриге. Накануне пострига он «пояс дал ему нов высокой красоты и доброты, златотканый, теплое одеяние, и иное кое-что», необходимое новопостриженному. 16 февраля архимандрит Филарет совершил постриг Спасского с именем Фотий, причем восприемником при постриге был Иннокентий; на следующий день монах Фотий был рукоположен во иеродиакона, еще через день – во иеромонаха.

21 февраля 1817 г. иеромонах Фотий (Спасский) был назначен законоучителем, настоятелем церкви и благочинным Второго кадетского корпуса, сразу же после пострига и принятия священного сана. Он прослужил в корпусе до 1820 г., когда стал настоятелем Сковородского монастыря и фактически был выслан из столицы. Архимандрит Иннокентий (Смирнов) был в те годы благочинным над корпусными законоучителями и, следовательно, непосредственным начальником Фотия. Именно в эти годы они общались наиболее тесно.

Именно во время служения в кадетском корпусе и началась борьба Фотия с масонством и мистицизмом. Так сложилось, что его духовниками в этот момент как раз оказались двое иеромонахов-законоучителей – члены масонских лож: Феофил (Фиников) и Иов (Смирнов). Да и среди преподавателей и корпусных начальников были масоны. Представляется более вероятным то, что борцом за чистоту православия Фотия сделало в большей степени сопротивление среде, чем наставления Иннокентия.

В мае 1818 г. в храме Морского корпуса произошел трагический инцидент: иеромонах Иов в припадке исступления осквернил алтарь, изрезал ножом иконы и попытался выброситься из окна [10, с. 114–115]. Незадолго до этого он был принят в масонскую ложу. Конечно, этот случай поразил

многих, в том числе и Иннокентия и Фотия. Иннокентий, видимо, именно под впечатлением от кошуинства написал письмо князю А. Н. Голицыну с требованием поставить на место Лабзина с его «Сионским вестником»; иеромонах Фотий начал проповедовать борьбу, причем так активно, что окружающие сочли его сумасшедшим. От этого подозрения его избавили архимандрит Иннокентий и Санкт-Петербургский митрополит Михаил (Десницкий).

Фотий пишет: «Во един день месяца августа [1818 г.], как Фотий подвизался за слово и дело Божие, сатана, смущая его, смущал и иных; он восхотел ехать в лавру к наставнику отцу своему Иннокентию, с ним поехал диакон его Василий [Иванов], старец. Приехал лишь отец Фотий в лавру к нему, вошел в келью отца, диакон успел тайно внушить возлюбленному его отцу, что он с ума сошел; отец, сие скрывая от него, молчал и как бы за разными причинами задерживал его у себя, никуда не выпускал: вскоре он тайно внушил митрополиту Михаилу об том же. Отец Фотий, после сего проникая, уразумел, что его, яко не в полном уме сущего, задерживают. <...> Бога ради, молю тебя, Иннокентий, отпуская его, говорил ему, скажи владыке, что ты будешь молчать впредь; Фотий же не соглашался, но Иннокентий увещевал его согласиться. Что ему делать оставалось с отцем своим? Сердце его вскипело ревностью противу тайных злых обществ и всякого зла явного и тайного; но, видя, что отец его не хочет отпустить его к владыке митрополиту Михаилу, если он и согласится молчать, – тогда он отцу, между прочим, сказал: “Как Бог внушит мне, так я и сделаю; если Бог язык мой удержит от дерзновений против масонов говорить, то удержусь и умолчу”, и так дал слово молчать. Обрадовавшись сему, отец его благословил идти к владыке. <...> Митрополит спросил его, глаголя тако: “Будешь ли ты молчать противу масонов?” Фотий сказал ему: “Говорил, говорю и буду говорить, пока жив буду, всегда противу масонов, всех врагов и обществ, вредных благу Св. Церкви, царству и всякой власти законной: не ты ли, владыко святой, поставил меня в моем месте, яко стража дому Божию?” <...> Прошло два часа беседы у о. Фотия с Михаилом, той, смотря на него, яко ангел Господень, лицом светлым, сказал, наконец, отпуская в корпус: “Бог да благословит тебя в сем уме и разуме быть всегда, и да поможет благим твоим трудам”. Отец же вопрошал его, когда он, радуясь, пришел к отцу своему и наставнику, что ему говорил владыка, а он ему сказал: “Иди сам к нему, и что он о мне скажет, тому и веруй”. Быв и возвратившись от митрополита Михаила, Иннокентий сказал Фотию: “Владыка тебя действительно отпускает ехать в корпус к делу своему и сказал мне о тебе так: я желаю, дабы и вы (Филарет и Иннокентий и прочие) были в таком уме и разуме, как отец Фотий. Он Божий слуга, с Богом пусть подвизается”.

Некогда с Иннокентием о. Фотий, говоря об искушениях, сказал ему: “Отче святой, что, если со мною в деле Божием случится быти искушению, оставишь ли ты меня, или не оставишь?” Иннокентий сказал: “Не оставляю тебя и не усомнюся в тебе”. Тогда Фотий сказал: “О, отче мой, радости ты моя! Я же думаю, что ты смутишься о мне и усумнишься. Бог иногда в присных самых отрады нередко лишает тех, их же ведет тесным путем к Себе”. Сим случаем Фотий ему напоянул, что он, смутившись о нем, доложил владыке яко о не сущем во уме. Отец же Иннокентий, яко муж свят и праведен, сказал:

“Помню и вижу событие”. Позвав его к себе ближе, повел в сад владыки и тамо ягоды собирал своими руками и его оными кормил, перстами своими во уста ему влагая. Фотий же, видя презельную его любовь к себе, сказал: “Отче святой, я помнить буду всегда твои ныне пресладкие ягоды, ими же ты меня кормишь. Я не хочу ясти ягоды, но любви ради твоя я угодное тебе творю, вкушаю мало оных от тебя”.

У Фотия денег ни единыя полушки не имелось, а посему Иннокентий дал на проезд денег своих, и он, завтра, рано встав, ехал в корпус» [10, с. 118–120].

Мы видим, что Иннокентий утешал своего постриженника, ревностного не по годам, кормил ягодами из своих рук, уговаривал быть благоразумнее, помог материально. Разглядеть в этом эпизоде (может быть, самом ярком во всей истории отношений Иннокентия и Фотия) некое благословение на дальнейшую борьбу будет огромным преувеличением. Апофеозом нагромождения мифов стала фраза из воспоминаний новгородского помещика Н. С. Мавевского: «Умирая и, как тогда полагали, отравленный масонами, Иннокентий на смертном одре завещал продолжение борьбы своему послушнику и обязал ему в том клятвою» [12, с. 561–562]. Впрочем, и обратное мнение о том, что Фотий подбивал Иннокентия на борьбу, тогда как дипломатичный Филарет удерживал от нее, тоже представляется неверным.

Конечно, по мнению Фотия, требовались более активные действия против масонства и мистицизма. В его автобиографии за эти годы периодически прорываются выражения наподобие такого: «Филарет, Иннокентий, все монашествующие и белые духовные лица безмолвствуют» и не противостоят мистикам. Позже Иннокентий станет для него образцом борца за чистоту православия, а в 1817–1818 гг. Фотий ждал от наставника более решительных поступков.

Меж тем земная жизнь Иннокентий приближалась к концу. В марте 1819 г. он под благовидным предлогом был удален из столицы и рукоположен во епископа Пензенского и Саратовского. Описывая прощание с Иннокентием в Александро-Невской лавре в марте 1819 г., Иосиф Самчевский пишет: «Известный архимандрит Фотий, прощаясь с Иннокентием, рыдал и называл его столпом православия» [13, с. 192]. Сам же Фотий вспоминает: он «скорбел много и непрестанно об Иннокентии, что сей светильник сдвигнут с своего места и сокрыт от врага под спудом, удален из столицы в место ссылки, в дальнюю паству, и нет более в царственном граде человека, который бы возмог или восхотел по пути его светлому идти, и брань иметь со врагами Церкви и веры Христовой» [10, с. 125].

Фотий написал своему бывшему начальнику в Пензу письмо. 15 июля 1819 г. Иннокентий отвечал ему. В этом письме нашлось место и рассказу о новых заботах: «Суетные занятия, как облака, закрывают от меня Господа, а суетных занятий немало по причине немалого числа лиц, с коими говорить и действовать должно. О, как хорошо жить под крылами начальническими, как трудно смотреть начальнически и не оскорбляться преступлениями подчиненных и малыми, и великими». Большую же часть письма составляют советы по духовному самоочищению с плотью, «дочерью Вавилона». Иннокентий пишет: «Продолжи очищение сердца, столь милого сердцу моему, не вдаваясь в прения, моли Господа Миротворца умирить прежде нас самих, наши чувства, нашу жизнь, наших ближних, окружающих нас: тогда

умиряться начнут и дальные, умиряться и общества немирные, умиряться и Церкви, раздорами раздираемые.

Что наши с тобою голоса, естли не пискание плетущих на земле насекомых? Что наши усилия, естли не усилия напряженной руки младенца сдвинуть стену, состроенную многими веками, строенную многими миллионами, поддерживаемую сильными подпорами, хотя, впрочем, стену *Вавилонскую*. Принесем благодарение Господу за то, что доселе терпит грехам нашим и нас вразумляет искать пути истинного, учиться оправданиям Его, что нам до других? Наши души, как Вавилон, должны быть разрушены, сокрушены, оплаканы и потом возобновлены покаянием и делами, достойными истинного Иерусалима, небесного, внутренней любви, в коей Господь пребывает и которая есть Сам Господь» [14, л. 61 об. – 63].

«Не вдаваясь в прения», «что нам до других» – это вполне конкретные советы больше думать о собственной духовной жизни, нежели о политической деятельности. Внял ли Фотий советам того, кого называл учителем? Вопрос риторический. Последующие пять лет его жизни были заняты по преимуществу именно борьбой внешней. Завершилась эта борьба в 1824 г. падением князя А. Н. Голицына как министра духовных дел и президента Библейского общества. Конечно, мы понимаем, что победил не столько Фотий мистиков, сколько граф Аракчеев – князя Голицына в своей борьбе за влияние на Александра I.

Примерно в то же время, во второй половине 1821 г., в Деревяницком монастыре Фотий написал «Сказание о житии и подвигах блаженного Иннокентия, епископа Пензенского и Саратовского, скончавшегося в Бозе 1819 года октября 10-го дня», второе и самое патетическое жизнеописание святителя. И биографы Иннокентия должны быть благодарны архимандриту Фотию за это. Конечно, в «Сказании...» масса общих мест, риторики, стиль его не всегда внятен. Да, очень похоже, что Фотий порой влагает в уста своему наставнику собственные мысли (по меньшей мере излагает их в собственном стиле). Но, во-первых, Фотий сообщает массу деталей, эпизодов, которые навеки бы канули в Лету, если бы он не зафиксировал их. Во-вторых, он – первый и на ближайшие полвека последний – честно описывает причину удаления святителя из Петербурга (а ведь за это жизнеописатель мог и поплатиться). В-третьих, Фотий неутомимо рассылал списки со «Сказания...» в Москву, Петербург, Пензу, Оптину пустынь, другие места, тем самым много способствовал расширению круга почитателей святителя. Лишь в 1912 г. «Сказание...» было издано в Пензе отдельной книгой, но и до того многие и многие христиане узнали об Иннокентии Пензенском именно благодаря труду архимандрита Фотия.

Наконец, вызывает уважение побуждение Фотия к созданию «Сказания...», о котором он упоминает в кратком послесловии, написанном в 1834 г.: «Причина же написания была великая болезнь, и не чаял уже жить, лежа на одре смерти» [15, л. 64]. Если бы все, кто более или менее близко знал святителя, так ответственно отнеслись к его памяти и зафиксировали бы свои воспоминания, они весьма облегчили бы работу биографам Иннокентия.

Следует рассмотреть еще одно знакомство архимандрита Фотия, сыгравшее ключевую роль в его жизнь. В апреле 1820 г. в Петербурге он познакомился со своей будущей духовной дочерью и главной союзницей в деле

восстановления Юрьева монастыря и других святынь – графиней Анной Алексеевной Орловой-Чесменской.

Стало уже традицией писать, что в июне 1819 г., уезжая из Москвы в Пензу, святитель Иннокентий порекомендовал Фотия графине в качестве духовника. Первым эту версию изложил биограф Анны Алексеевны Н. В. Елагин: «Графиня неотступно просила архипастыря [Иннокентия] указать ей наставника в духовной жизни. Епископ назвал Фотия. <...> Переселяясь в Петербург, графиня искала случая сблизиться с иеромонахом Фотием, но он долго чуждался ее, как бы опасаясь влияния ее знатности и богатства на свое убожество. Не прежде как через два года достигла графиня желанной цели быть его духовной дочерью» [16, с. 28–29]. Эта версия требует детального рассмотрения. С одной стороны, конечно, есть соблазн принять ее на веру, поскольку пишет об этом человек, близкий к кругу Орловой-Чесменской, к тому же пишет вскоре после ее кончины. Но подозрения в истинности сообщения Елагина все же остаются. Прежде всего неясно, почему сам Фотий, столь многократно упоминающий свт. Иннокентия в своих письмах и других сочинениях, ничего не говорит об этом эпизоде? Более того, в письме к митрополиту Серафиму (Глаголевскому) от 3 октября 1827 г., говоря об Орловой-Чесменской, он прямо указывает на то, что познакомился с ней «через руки святительские» адресата, а не Иннокентия: «Тою же отрадою утешает меня и Утешитель скорбных Господь, коею и отца моего епископа Иннокентия утешал на одре болезни, пред смертью и при смерти. Я говорю о Богоданном мне бывом духовном чаде – через твои руки святительские» [17, л. 64].

Точно ли стал бы рекомендовать Иннокентий графине Орловой, своей ровеснице, в духовники иеромонаха Фотия, который был на восемь лет его младше? Дело даже не в соблазне для посторонней публики, а в очевидной для Иннокентия духовной неопытности его постриженника при всей огромной ревности. Интересный факт: в одном из писем святителя к графине от 5 августа 1819 г. есть практически провидческий намек-предостережение от чрезмерного увлечения духовником – к примеру, таким, как Фотий. Иннокентий пишет: «Сделайте милость, берегитесь наружности, она обнажает сердце и открывает врагу способ выкрадывать все духовное сокровище. Знаете ли, что знают и в Пензе, как вы особенно чтете и ублажаете о. Амфилохия (возлюбленного Господу и человекам)? Хорошо, что вы не слышите сих отзывов. Правда, мне радостно, что отец Амфилохий есть предмет духовной любви, иногда духовных разговоров. Но боюсь, чтобы те, коим особенно должно таить духовные силы и дары, раскрываясь в простоте пред прочими, не потеряли милостей небесных от простоты, от тайного прельщения в мыслях. Любите, графиня, хранить драгоценности взаперти, в тайных или скрытых местах» [18, л. 26–27 об.]. О том, что Орлова-Чесменская «особенно чтит и ублажает» Фотия несравненно более, чем ростовского старца Амфилохия, узнала не только Пенза – вся Россия. И одобрительных отзывов это вызвало мало.

Таким образом, становится ясно, что Иннокентий не завещал Орловой-Чесменской быть духовной дочерью Фотия, как не завещал и ему самому борьбы с масонством.

Подытоживая, можно с уверенностью сказать, что ошибочное восприятие взаимоотношений между Иннокентием и Фотием базируется практически исключительно на собственных утверждениях Фотия. Привлечение же

дополнительных источников показывает, что Иннокентий не был идейным вдохновителем Фотия на борьбу с мистицизмом и масонством.

Список литературы

1. Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб. : Нестор, 1998. 223 с.
2. Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века : монография. Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2011. 560 с.
3. Назаренко Е. Ю. Князь Александр Николаевич Голицын: общественно-политические взгляды и государственная деятельность : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Воронеж, 2014. 23 с.
4. Фотий (Спасский), архимандрит. Борьба за веру. Против масонов / сост., предисл. и примеч. В. В. Улыбина ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2010. 400 с.
5. Пыпин А. Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I : в 3 т. Т. 1. Религиозные движения при Александре I. Петроград, 1916. 487 с.
6. Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. 2-е изд. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1899. 347 с.
7. Котович А. Н. Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб. : Родник, 1909. 608 с.
8. Жмакин В. И., прот. Иннокентий, епископ Пензенский и Саратовский : биограф. очерк. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1885. 158 с.
9. Троицкий Д. И. Иннокентий, епископ Пензенский и Саратовский (очерк жизни его и деятельности). Пенза : Губ. тип., 1882. 85 с.
10. Фотий (Спасский), архимандрит. Автобиография архимандрита Фотия (Спасского) (1792–1838) / сост.: В. В. Улыбин, Ю. Е. Кондаков. СПб. : Алетейя, 2013. 376 с.
11. Морошкин Я. Л., свящ. Архимандрит Фотий, настоятель Новгородского Юрьева монастыря. Воспоминания священника // Русская старина. 1876. Т. 17, вып. 9–12. С. 305–308.
12. Маевский Н. С. Из семейных воспоминаний // Исторический вестник. 1881. Т. VI. С. 561–562.
13. Воспоминания Иосифа Самчевского. 1800–1886 гг. // Киевская старина. 1893. Т. XLIII. С. 185–192.
14. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 219. К. 50. № 17.
15. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1208. Оп. 3. Д. 31.
16. Елагин Н. В. Жизнь графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской. СПб. : Тип. Мор. Кадет. корпуса, 1853. 153 с.
17. НИОР РГБ. Ф. 219. К. 129. № 3.
18. НИОР РГБ. Ф. 173/IV. Ед. хр. 172.

References

1. Kondakov Yu.E. *Dukhovno-religioznaya politika Aleksandra I i russkaya pravoslavnaya oppozitsiya (1801–1825)* = *The spiritual and religious policy of Alexander I and the Russian Orthodox Opposition (1801–1825)*. Saint Petersburg: Nestor, 1998:223. (In Russ.)
2. Minakov A.Yu. *Russkiy konservatizm v pervoy chetverti XIX veka: monografiya* = *Russian conservatism in the first quarter of the 19th century: monograph*. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta, 2011:560. (In Russ.)

3. Nazarenko E.Yu. *Prince Alexander Nikolaevich Golitsyn: socio-political views and state activities*. PhD abstract. Voronezh, 2014:23. (In Russ.)
4. Fotiy (Spasskiy), arhimandrit. *Bor'ba za veru. Protiv masonov = Fight for faith. Against freemasons*. Comp., preface and notes by V.V. Ulybin; ed. by O.A. Platonov. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2010:400. (In Russ.)
5. Pypin A.N. *Issledovaniya i stat'i po epokhe Aleksandra I: v 3 t. T. 1. Religioznye dvizheniya pri Aleksandre I = Research and articles on the era of Alexander I: in 3 volumes. Volume 1. Religious movements under Alexander I*. Petrograd, 1916:487. (In Russ.)
6. Chistovich I.A. *Istoriya perevoda Biblii na russkiy yazyk. 2-e izd. = The history of the translation of the Bible into Russian. The 2nd edition*. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1899:347. (In Russ.)
7. Kotovich A.N. *Dukhovnaya tsenzura v Rossii (1799–1855 gg.) = Spiritual censorship in Russia (1799–1855)*. Saint Petersburg: Rodnik, 1909:608. (In Russ.)
8. Zhmakin V.I., prot. *Innokentiy, episkop Penzenskiy i Saratovskiy: biogr. Ocherk = Innokenty, Bishop of Penza and Saratov: biographical essay*. Saint Petersburg: Tip. F. Eleonskogo i Ko, 1885:158. (In Russ.)
9. Troitskiy D.I. *Innokentiy, episkop Penzenskiy i Saratovskiy (ocherk zhizni ego i deyatelnosti) = Innokenty, Bishop of Penza and Saratov (a sketch of his life and work)*. Penza: Gub. tip., 1882:85. (In Russ.)
10. Fotiy (Spasskiy), arhimandrit. *Avtobiografiya arhimandrita Fotiya (Spasskogo) (1792–1838) = Autobiography of Archimandrite Photius (Spassky) (1792–1838)*. Comp.: V.V. Smybin, Yu.E. Kondakov. Saint Petersburg: Aleteyya, 2013:376. (In Russ.)
11. Moroshkin Ya.L., svyashch. Archimandrite Photius, rector of the Novgorod Yuriev Monastery. *Memoirs of a Priest. Russkaya starina = Russian antiquity*. 1876;17(9–12): 305–308. (In Russ.)
12. Maevskiy N.S. From family memories. *Istoricheskiy vestnik = Historical bulletin*. 1881;VI:561–562.
13. Memories of Joseph Samchevsky. 1800–1886. *Kievskaya starina = Kiev antiquity*. 1893;XLIII:185–192. (In Russ.)
14. *Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (NIOR RGB). F. 219. K. 50. № 17 = Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 219. Catalog 50. No. 17*. (In Russ.)
15. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 1208. Op. 3. D. 31 = Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 1208. Item 3. File 31*. (In Russ.)
16. Elagin N.V. *Zhizn' grafini Anny Alekseevny Orlovoy-Chesmenskoy = The Life of Countess Anna Alekseevna Orlova-Chesmenskaya*. Saint Petersburg: Tip. Mor. Kadet. korpusa, 1853:153. (In Russ.)
17. *NIOR RGB. F. 219. K. 129. № 3 = Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 219. Catalog 129. No. 3*. (In Russ.)
18. *NIOR RGB. F. 173/IV. Ed. khr. 172 = Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 173/IV. Item 172*. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Евгений Петрович Белохвостиков

аспирант, Пензенский
государственный университет
архитектуры и строительства
(Россия, г. Пенза, ул. Германа
Титова, 28)

Evgeniy P. Belokhvostikov

Postgraduate student,
Penza State University
of Architecture and Construction
(28 Germana Titova street, Penza, Russia)

E-mail: belohvostikov_ep@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 22.11.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 07.12.2022

Принята к публикации / Accepted 21.12.2022